

А.В. Шапурина

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА В ЛИРИКЕ ПРИРОДЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Статья посвящена пейзажной лирике Ф.И. Тютчева, которая рассматривается в связи с традициями русской поэзии XVIII века. Зафиксированные многочисленные параллели служат аргументами к доказательству того, что появление натурфилософской лирики Ф.И. Тютчева было подготовлено «размышляющей» поэзией М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина.

натурфилософская поэзия, национальная поэтическая традиция, пейзажная лирика, поэтическое созерцание, художественное мышление.

В начале XX века критика рассматривала Тютчева как явление исключительное и загадочное. В.Ф. Саводник, например, в своей работе 1911 года «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева» не нашел ответов на вопросы: «кто были его (Тютчева. – А.Ш.) учителями в поэзии, на каких образцах он воспитывался, к какому из современных течений он примыкал»¹. Однако уже в 20–30-е годы эти вопросы стали предметом специального исследования. Так, Ю.Н. Тынянов в статьях «Вопрос о Тютчеве» (1923) и «Пушкин и Тютчев» (1929) связал тютчевскую лирику с русской поэзией XVIII века². Б.М. Эйхенбаум в книге «Мелодика русского лирического стиха» (Пг., 1922) выделил в лирике Тютчева две стилистические традиции: первую («декламативную») он соединил с Г.Р. Державиным, вторую («напевную») – с В.А. Жуковским. Л.В. Пумпянский своеобразие поэзии Тютчева увидел в том, что «германская метафизическая система парадоксальным (на первый взгляд) образом сочетается в ней с литературной школой Державина»³.

Основные положения и выводы, сделанные упомянутыми исследователями, позволяют говорить о необходимости рассматривать пейзажную лирику Тютчева в нескольких контекстах: в связи с традициями русской поэзии XVIII века и в соотнесенности с современной Тютчеву поэтической эпохой.

При генетическом рассмотрении лирики Тютчева ее причастность национальной поэтической традиции XVIII века бесспорна. Раскрывая и комментируя сложные, многоплановые связи тютчевской натурфилософской поэзии с литературным наследием предшествующей эпохи, невозможно избежать некоторой избирательности. Ограничение контекста XVIII века творчеством М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина обусловлено тем, что в историю литературы они вошли как поэты-мыслители.

¹ Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 162.

² Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 38–51 ; Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. М., 1969. С. 166–191.

³ Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева: вступ. ст. // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л., 1928. С. 36.

С М.В. Ломоносовым Ф.И. Тютчева сближает, прежде всего, космизм художественного мышления, стремление единым взглядом охватить всю природу, познать глубинные основы бытия вселенной. По ширине своих поэтических созерцаний Тютчев не уступает Ломоносову, который был поэтом-философом в точном значении этого слова. Сравним, например, величественные картины наступления ночи, нарисованные поэтами:

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

*М.В. Ломоносов. Вечернее
размышление о Божием
величестве при случае
великого северного сияния*⁴

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами...

*Ф.И. Тютчев. День и ночь*⁵

У обоих поэтов ночь, сменяющая день, открывает «бездну», отделяясь друг от друга «покровом»: у Ломоносова ночь «покрыла» поля, у Тютчева она сорвала с мира «ткань благодатную покрова».

Не раз говорилось о том, что грандиозные образы ночных стихотворений Тютчева связаны с «почином» Державина, ода которого «На смерть князя Мещерского» (1799) считается первой ночной одой русской поэзии. В стихотворениях Тютчева «Видение», «О чем ты воешь, ветр ночной?..», «Как сладко дремлет сад темнозеленый...» оживает образ хаоса из державинских од:

...А завтра: где ты человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

*Г.Р. Державин На смерть князя Мещерского*⁶

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность прежде век рожденну,
В себе самом ты основал...

Г.Р. Державин. Бог (С. 32)

⁴ Ломоносов М.В. Избр. произв. Л., 1986. С. 205. Далее это издание цитируется с указанием страниц в тексте.

⁵ Тютчев Ф.И. Письма // Полн. собр. соч. : в 6 т. М., 2002–2004. Т. 1. С. 185. Далее это издание цитируется с указанием тома и страницы в тексте.

⁶ Державин Г.Р. Стихотворения. М., 1958. С. 6–7. Далее это издание цитируется с указанием страницы в тексте.

В какой-то степени Тютчев выступил как преемник Ломоносова в изображении проявлений земного бытия: при всей масштабности поэтических созерцаний образы природы в его стихах не утрачивают конкретности. В качестве примера сопоставим отрывок из ломоносовской «Оды на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича 1743 года» и стихотворение Тютчева «Нет, моего к тебе пристрастья...»:

Уже врата отверзло лето,
Натура ставит общий пир,
Земля и сердце в нас нагрето,
Колеблет ветви тих зефир,
Объемлет мягкий луг крилами,
Крутится чистый ток полями,
Брега питает тучный ил,
Древа и цвет покрылись медом,
Ведет своим довольство следом
Поспешно ясный вождь светил.

*М.В. Ломоносов. Ода на день
тезоименитства великого
князя Петра Феодоровича
1743 года (С. 96)*

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я –
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту?

*Ф.И. Тютчев. Нет моего к тебе
пристрастья... (Т. 1. С. 144)*

Ломоносовская пирующая «натура» и тютчевская «мать-Земля» – образы категориальные, но они вещественно определены. Солнечный свет, теплый воздух, цветение – реально существующие и чувственно воспринимаемые проявления природной жизни. Сопоставление обобщенных образов природы и матери-Земли позволяет предположить, что созданный Ломоносовым образ – один из возможных источников, повлиявших на формирование такой характерной для художественного сознания Тютчева особенности, как ощущение женского начала в природе.

Еще в большей степени, чем Ломоносову, Тютчев близок Державину, поэзия которого была проникнута пафосом утверждения зримого мира. Их роднит страстная любовь к жизни, упоение, испытываемое при созерцании ее торжества в природе. Как и Державина, Тютчева особенно вдохновляют те природные явления, в которых жизнь выступает с наибольшей полнотой. Среди стихотворений, в которых Державин изображает утро и весну, наиболее известными являются «Благодарность Фелице», «К Музе», «Пришествие Феба», «Возвращение Весны», «Утро», «Весна». Тютчеву принадлежат два утренних пейзажа «Утро в горах», «Декабрьское утро» и целый цикл стихотворений, посвященных весне: «Весна» («Любовь земли и прелесть года...»), «Весенняя гроза», «Могила Наполеона», «Весенние воды», «Зима недаром злится...», «Еще земли печален вид...», «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины»...).

В натурфилософской лирике Тютчева дальнейшее развитие получает динамическое восприятие природы, свойственное Ломоносову. Сравним два пейзажа:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает...

М.В. Ломоносов. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1746 года (С. 105)

На небе месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж вострепенулся день, –
Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.
Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Ф.И. Тютчев. Декабрьское утро (Т. 2. С. 95)

Внимание поэтов привлекло то пограничное время суток, когда день сменяет ночь. Оба утренних пейзажа полны движения и больше похожи не на картины, а на сцены. Действующие лица ломоносовского утра – это заря, которая «рукой багряной» открывает врата навстречу дню, «сыплет свет румяной» на мир, заставляет ночные лучи в почтении «склониться пред светлым днем», и день, изливающий «блеск и радость». Участник тютчевской сцены утра – это «ночная тень», которая не хочет уступать своего места, это просыпающийся день и возникающие «лениво и несмело» лучи. И хотя в тютчевском описании утра нет прямых заимствований из пейзажной зарисовки Ломоносова, стихотворения сближает стремление поэтов запечатлеть природу в процессе ее изменения.

От Державина Тютчев наследует интерес к «феноменологическим» (термин Л.В. Пумпянского) явлениям природы. К державинским одам 1806 года «Облако» и «Гром» восходят стихи Тютчева о грозе. Сравним два изображения послегрозовой природы:

...Гул восшумел, и дождь и град,
Простерся синий дым полетом,
Дуб вспыхнул, холм стал водометом,
И сизый дым с ветвей его бежал
И капли радугой блестят.
Утихло дуновенье бурно,
Чуть слышен шум и серный смрад;
Пространство воздуха лазурно,
И чела в злате гор горят.
Природе уж не страшны грозы,
Дышают ароматом розы,
Пернатых раздается хор;
Зефиры легки, насекомы

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный –
По зелени, грозью освеженной –
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

Ф.И. Тютчев. Успокоение (Т. 1. С. 121)

Целуют злаков зыбки холмы...

Г.Р. Державин. Гром (С. 244)

Оба поэта пытаются зафиксировать момент наступления гармонии в природе после только что отшумевшей грозы. И у Державина, и у Тютчева в пейзаже присутствуют дуб, сраженный молнией, освеженные дождем растения, пение оживившихся птиц и радуга.

Феномен появления и быстрого исчезновения радуги – тема оды Державина «Радуга» и стихотворения Тютчева «Как неожиданно и ярко...»:

Взглянь, Аппеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

Г.Р. Державин. Радуга (С. 247)

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!

*Ф.И. Тютчев. Как неожиданно
и ярко... (Т. 2. С. 150)*

Созерцание разноцветной радуги позволяет испытать неизъяснимое удовольствие, и человек не в силах оторвать глаз от неба до тех пор, пока она не исчезнет:

Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий гля-
нец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

...

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает...

Г.Р. Державин. Радуга (С. 247)

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло...

*Ф.И. Тютчев. Как неожиданно
и ярко... (Т. 2. С. 150)*

Особого внимания заслуживает тот факт, что в царскосельских стихотворениях Тютчева «Осенней поздней порою...», «Тихо в озере струится...», как

и в державинской «Прогулке в Сарском Селе», дается пейзаж, отраженный в воде:

В прекрасный майский день,
В час ясных погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале берегов
Изображала виды...

...
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятя в воды...

*Г.Р. Державин. Прогулка в Сарском
Селе (С. 90, 91)*

...И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

*Ф.И. Тютчев. Осенней
позднею порою... (Т. 2. С. 91)*

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей бывших...

*Ф.И. Тютчев. Тихо в озере
струится... (Т. 2. С. 160)*

Интересны образные переключки. У Державина «длинна тень» ложится «в стеклянны воды», у Тютчева лебеди застыли «на тусклом озера стекле». У Державина в «зеркале» озера отражаются «берега», а природа и «памятников вид» «зрятя в воды», у Тютчева «много... достославностей бывших» «в озеро глядится».

В русской поэзии за Державиным закрепилось место первооткрывателя родной природы. Античные боги в его стихотворениях органично вписаны в контекст русских пейзажей:

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней.

*Г.Р. Державин. На рождение в Севере
порфирородного отрока (С. 312)*

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;

...
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Г.Р. Державин. Осень во время осады Очакова (С. 47)

Вполне возможно, что тютчевские «ветренная Геба» в конце «Весенней грозы» и «великий Пан» из «Полдня» – дань традициям державинских од, соединяющих античные мотивы с картинами русской природы.

От Ломоносова через Державина в лирику природы Тютчева вошел, по выражению Пумпянского, «целый мир допушкинской поэзии», имя которому – барокко⁷. Характерными чертами стиля барокко были напряженный метафоризм, живописное начало и эвфоническая выразительность поэтической речи.

Создавая образы, Ломоносов исходил из многозначности слова, что противоречило нормам классицизма, который требовал смысловой точности. Заслуга Ломоносова состоит в том, что его метафоризм, ограждая русскую поэзию от сухой рассудочности классицизма, способствовал развитию поэтического мышления. Может быть, под влиянием Ломоносова сложилось особое отношение Тютчева к метафоре, которая стала адекватным выражением глубинных основ его художественного мировоззрения.

Творческое освоение Тютчевым поэтического наследия Ломоносова проявляется в произвольных переключках некоторых образов. Сравним:

С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной,
В Российской ты державе всходишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой.

*М.В. Ломоносов. Ода на день
брачного сочетания великого князя
Петра Феодоровича и великия
княгини Екатерины Алексеевны
1745 года (С. 104)*

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

*Ф.И. Тютчев. Летний вечер
(Т. 1. С. 62)*

У Ломоносова солнце в конце дневного пути «в волны кроет пламень свой». Тютчев создает образ «мирного вечера пожара», который «волна морская поглотила».

В ломоносовской «Оде на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1746 года» звезды – «недремлющие очи, // Стрежущие небесный град». «Бодрствуя во время ночи», они «взирают сквозь тень густую // На целу широту земную». Читаем стихотворение Тютчева «Душа хотела б быть звездой...»:

...с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной...

⁷ Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева. С. 48.

*Ф.И. Тютчев. Душа хотела б быть звездой...
(Т. 1. С. 115)*

Тенденция персонификации природы в целом и отдельных природных явлений в пейзажной лирике Тютчева примыкает к традиции XVIII века. «Седая чародейка» Зима из стихотворения Державина «Осень во время осады Очакова» вновь появляется у Тютчева:

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

*Г.Р. Державин. Осень во время
осады Очакова (С. 48)*

Чародейкою Зимою
Околдован лес стоит –
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

*Ф.И. Тютчев. Чародейкою Зимою...
(Т. 1. С. 163)*

Державинская Весна, которая возвращается каждый год, окруженная блистающими харитами («Возвращение Весны»), превращается у Тютчева то в девушку, о пришествии которой сообщают воды-гонцы («Весенние воды»), то в хохочущее «прекрасное дитя», убегающее от Зимы-старухи («Зима недаром злится...»), то в божественное существо с сияющим бессмертьем взором («Весна») («Как ни гнетет рука судьбины...»).

От Ломоносова и Державина Тютчев наследует одну из характерных черт поэтики барокко – красочное великолепие пейзажей. В ломоносовской «Оде на день брачного сочетания великого князя Петра Феодоровича и великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года» в вымышленной стране любви «Между млечными облаками // Сияет злато и лазурь», «утренняя заря» «румянит синий горизонт». Тютчев тоже любит яркие и живые цвета:

Как сладко дремлет сад темнозеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

*Ф.И. Тютчев. Как сладко дремлет сад темнозеленый...
(Т. 1. С. 158)*

Считается, что непосредственно от Державина Тютчев воспринял «принцип колоризма» (термин Л.В. Пумпянского), то есть ориентирование стиха на праздничность красок. Сравним палитру стихотворений Державина «Ключ» и Тютчева «Под дыханьем непогоды...»:

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом –
И сквозь глянец их суровый

...

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится в небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

Г.Р. Державин. Ключ (С. 8–9)

Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

*Ф.И. Тютчев. Под дыханьем
непогоды... (Т. 2. С. 22)*

У Державина в струях ключа, отражающего утреннюю зарю, горят «пурпурные огнисты // И розы пламенные»; у Тютчева вечерняя заря в «волну» «Сыплет искры золотые, // Сеет розы огневые». Заходящее солнце у Державина окрашивает берег в багряный цвет, а в ключевой воде сверкает последний луч; у Тютчева «Вечер пасмурно-багровый // Светит радужным лучом».

Тютчев следует традициям барочной поэтики и в звуковом изображении природы. Большое значение звукописи придавал Ломоносов, которого можно считать основоположником «явления акустицизма» (термин Л.В. Пумпянского) – трактовки звуковых тем. Например, в оде «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносов с помощью звука «р» и через повторение шипящих «ж», «ш», «щ» «озвучил» грандиозное описание солнца – «горящего вечно Океана»:

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

*М.В. Ломоносов. Утреннее размышление
о Божием величестве (С. 204)*

От Ломоносова эстафету «бурной» поэзии принял Державин, которого справедливо называют великим творцом русского акустицизма. Благодаря державинской школе традиция «громоподобной» поэзии еще существовала в 20-е годы XIX века, когда ее усвоил Тютчев.

В тяжелой колеснице **грома**
Гроза, на тьме воздушных **крыл**,
Как **страшная гора** несомая,
Жмет воздух под собой, – и пыль
И понт кипят, летят волнами,
Древа вверх вержуются корням,
Ревут брега и воеет лес.
Средь тучных туч, **разданных** с **треском**,

Люблю **грозу** в начале мая,
Когда весенний, первый **гром**,
Как бы **резвяся** и **играя**,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые!
Вот дождик **брызнул**, пыль летит...
Повисли **перлы** дождевые,
И солнце нити золотит...

В тьме молнии багряным блеском
Чертят гремящих след колес.
Г.Р. Державин. Гром (С. 244)

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный –
Все вторит весело громам...

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!

*Ф.И. Тютчев. Весенняя гроза
(Т. 1. С. 60)*

Оба поэта строят звуковое оформление грозы через повторение сочетания «гр» и согласного «р». Отголоски раскатов грома воспроизводятся звуками «ом», «ам», которые располагаются преимущественно в конце строк.

Зафиксированные многочисленные параллели служат аргументами к доказательству того, что появление натурфилософской поэзии Тютчева было во многом подготовлено «размышляющей» поэзией Ломоносова и Державина. В настоящее время в литературоведении утвердилась точка зрения на традиции как стимул любого творчества. В современном учебнике В.Е. Хализева «Теория литературы» (2000) под термином «традиция» предлагается понимать «инициативное и творческое (активно-избирательное и обогащающее) наследование культурного (и, в частности, словесно-художественного) опыта»⁸.

Намеченное великими предшественниками философское восприятие природы, органически усвоенные Тютчевым традиции их поэзии получают в его пейзажной лирике самое полное выражение. Натурфилософский поэт, он последовательно, с огромной художественной силой поднимает в своей лирике самые общие вопросы мироздания, пытается постигнуть глубинные основы бытия вселенной. Поэтическое отношение к природе, любовь к зримому, вещественному миру, воплотившиеся в стихах мастеров XVIII века, стали своеобразным духовным ориентиром для Тютчева. Именно за ним в истории литературы закрепилось место восторженного певца «матери-Земли». Сценичность пейзажей Тютчева уходит своими корнями в динамические описания Ломоносова. Державину он обязан интересом к ночным явлениям природы. Его стихотворения о радуге и грозе созданы в русле традиций «феноменологической» державинской поэзии. Метафоры, красочные эпитеты и звуковая инструментовка стиха позволяют говорить о связях поэтики Тютчева с культурой барокко, воспринятой через Ломоносова и Державина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Державин, Г.Р. Стихотворения [Текст] / подгот. текста А.Я. Кучерова, Е.В. Климиной. – М. : Гослитиздат, 1958. – LVI. – 561 с.
2. Ломоносов, М.В. Избранные произведения [Текст] / вступ. ст., сост. и примеч. А.А. Морозова. – Л. : Сов. писатель, 1986. – 558, [1] с.

⁸ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2000. С. 353.

3. Саводник, В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева [Текст] : моногр. – М., 1911.
4. Тынянов, Ю.Н. Вопрос о Тютчеве [Текст] // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 38–51.
5. Тынянов, Ю.Н. Пушкин и Тютчев [Текст] // Пушкин и его современники. – М. : Наука, 1969. – С. 166–191.
6. Тютчев, Ф.И. Письма [Текст] // Полн. собр. соч. : в 6 т. – Т. 1 / сост. В.Н. Касаткина. – М. : Классика, 2002. – 528 с. ; Т. 2 / сост. В.Н. Касаткина. – М. : Классика, 2003. – 640 с.
7. Эйхенбаум, Б.М. Мелодика русского лирического стиха [Текст] : моногр. – Пг., 1922.
8. Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст] : учеб. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.

A.V. Shapurina

TRADITIONS OF RUSSIAN POETRY OF THE VIIIth CENTURY IN THE LANDSCAPE LYRIC POETRY OF F.I. TYUTCHEV

The article deals with landscape lyric poetry of F.I. Tyutchev, which is considered in view of the traditions of Russian poetry of the XVIIIth century. The found numerous parallels prove, that the appearance of Tyutchev's natural philosophy lyrics was prepared by «reflecting» poetry of M.V. Lomonosov and G.R. Derzhavin.

natural philosophy poetry, national poetic tradition, landscape lyric poetry, poetic contemplation, artistic thinking.